

Мистюк Татьяна Леонидовна

**СПЕЦИФИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ
РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

В статье кратко характеризуется сущность языковой нормы с позиции современной отечественной и зарубежной лингвистики, уточняется специфика переходных явлений в области нормы. Анализируются отдельные лексические единицы современного русского языка, находящиеся, на наш взгляд, на стадии разрушения прежней лексической нормы и перехода к новой, приводятся конкретные аргументы по каждой из них, подтверждающие их переходный статус на данном этапе функционирования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 137-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Так, слова-компоненты в составе ФЕ могут передавать контраст, разнонаправленность, несовместимость, взаимоисключаемость понятий, явлений и др. Эти качества находят свое воплощение во фразеологических антонимах, которые регулярно используются в речи, наряду с лексическими.

Список источников

1. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
2. Мардиева Э. Р. Словарь фразеологических антонимов русского языка: учебное пособие. Нефтекамск: РИЦ БашГУ, 2007. 130 с.
3. Михалков С. В. Как старик корову продавал. М.: АСТ, 2013. 12 с.
4. Новиков Л. А. Избранные труды: в 2-х т. М.: Изд-во РУДН, 2001. Т. I. Проблемы языкового значения. 676 с.
5. Островский А. Н. Снегурочка [Электронный ресурс] // Интернет-библиотека Алексея Комарова. URL: <http://ilibrary.ru/text/1200/p.2/index.html> (дата обращения: 26.04.2017).
6. Толстой Л. Н. Анна Каренина: роман. М.: Эсмо, 2006. 800 с.

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNIT COMPONENTS IN REALIZATION OF ANTONYMIC RELATIONS

Mardieva El'mira Radmirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Bashkir State University (Branch) in Neftekamsk
mardievaer@mail.ru

Idiom components perform certain structural-semantic functions. Some of them contribute to establishing antonymic relations of stable units. The problem of essence of phraseological antonym component structure is of interest in the light of the process of free word-combination phraseologization and considering the fact that many of them contain components which can develop antonymic relations transferring contrast, contradictive nature, multi-directionality of actions, etc.

Key words and phrases: phraseological antonyms; phraseologism components; differential and integral features; ways to establish antonymic relations; figurative opposition; pragmatically marked words; motivation of phraseologism meaning.

УДК 81'1

В статье кратко характеризуется сущность языковой нормы с позиции современной отечественной и зарубежной лингвистики, уточняется специфика переходных явлений в области нормы. Анализируются отдельные лексические единицы современного русского языка, находящиеся, на наш взгляд, на стадии разрушения прежней лексической нормы и перехода к новой, приводятся конкретные аргументы по каждой из них, подтверждающие их переходный статус на данном этапе функционирования.

Ключевые слова и фразы: языковая норма; критерии нормативности; лексические нормы русского языка; семантика; сема; лексическая сочетаемость; переходные явления в области лексических норм.

Мистюк Татьяна Леонидовна, к. филол. н.
Новосибирский государственный технический университет
bakatuha@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОТДЕЛЬНЫХ ПЕРЕХОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ НОРМ РУССКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Процесс речевой коммуникации можно квалифицировать как полноценный и адекватный только в том случае, если все использованные в нем элементы языковой системы реализуются в соответствии с общепринятыми нормами литературного языка. Понятие языковой нормы является одним из основных и наиболее важных в современной лингвистике и, в частности, в области ортологии. Существует большое количество дефиниций нормы, сформулированных отечественными и зарубежными лингвистами, и это связано, в первую очередь, с тем, что рассматривать и комментировать языковую норму можно с разных точек зрения. Так, лингвистический энциклопедический словарь как один из авторитетных лексикографических источников трактует норму как «совокупность наиболее устойчивых, традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [7, с. 337]. Можно добавить дефиницию, представленную в одном из современных учебных пособий по русскому языку и культуре речи, которая является наиболее типичной для ряда подобных источников: «Языковая норма – это совокупность правил и средств литературного языка (лексических, грамматических, фонетических), сложившаяся в процессе отбора элементов языка из числа существующих, наиболее пригодных для обслуживания коммуникативных потребностей общества» [10, с. 26].

Известный немецкий лингвист Э. Косериу, один из крупнейших разработчиков понятия языковой нормы в современном языкознании, подробно обосновавший и описавший её, отмечал, что язык как знаковая система содержит в себе массу возможностей для выражения мыслей и чувств людей и означает «можно говорить», а речь – это то, что «говорится в действительности», норма же занимает положение между языком

и речь и означает «как следует говорить» [6, с. 236]. Таким образом, он определил язык как систему возможностей, предоставляемых языком, норму – как реализованные возможности, закрепленные практикой, а речь – как совокупность употреблений, закрепленных и не закрепленных речевой практикой. Такое соотношение соответствующих понятий можно отобразить следующим образом:

Схема 1

Языковая норма представляет собой своего рода фильтр, поскольку она отбирает из некоторого количества средств языкового выражения именно такие, которые в наибольшей степени соответствуют необходимым целям коммуникации, отвечают принципу коммуникативной пригодности и целесообразности и уже прошли определенную апробацию в речевой практике. Следовательно, норма может в определенной степени регулировать и даже направлять процессы эволюции и функционирования естественного языка [11, с. 19-20].

С точки зрения использования языка в процессе коммуникации Э. Косериу отмечал некоторое несоответствие между знанием системы и знанием нормы. «Знание нормы, – писал он, – означает более высокую степень культуры, поскольку оно предполагает осведомленность не только о возможном, о том, что можно сказать на данном языке, не нарушая его функционирования. Но также и о том, что действительно говорится и говорилось, то есть о традиционной реализации. Система заучивается гораздо раньше, чем норма: прежде чем узнать традиционные реализации для каждого частного случая, ребёнок узнает систему “возможностей”, чем объясняются его частые “системные образования”, противоречащие норме» [6, с. 236-237].

Языковая норма имеет объективный характер, поскольку она складывается как результат развития языковой и речевой практики независимо от чьей-либо воли. Специалисты в области языка в результате анализа речевой практики фиксируют и рекомендуют в качестве нормативных такие языковые единицы, которые были приняты языковым коллективом и прошли проверку речевой практикой. Литературный язык является обработанным и осознанно сформированным, с чем связана его кодификация, под которой понимается сознательное регулирование правил употребления языка путем подготовки и опубликования нормативных словарей, справочников, грамматик, стилистик, руководств и др. Кодификация – это более или менее точное описание существующей нормы, основанное на научном изучении языка [5, с. 297-298]. Отбор и закрепление в языке того или иного варианта требуют временной протяженности, она предполагает «определенную историческую глубину», поэтому обоснованность одного варианта и отклонение других должны быть продуманными и осторожными, учитывающими постепенный характер эволюции языка и историчность самой нормы [Там же, с. 298]. Следовательно, отражая исключительно коллективный языковой опыт, лингвисты осуществляют кодификацию нормы, которая в результате получает статус обязательной для всех носителей данного языка. Благодаря норме сохраняются самобытность, стабильность и единство литературной формы языка для всех его носителей, обеспечивается его преемственность от поколения к поколению. Норма оберегает книжную речь от неоправданного проникновения в неё нелитературных элементов – просторечия, территориальных и социальных диалектизмов и т.п.

Однако не каждый языковой факт может получить в языке статус нормативного. Критерии нормативности в современной лингвистической литературе предложены и обоснованы разными отечественными и зарубежными лингвистами и различаются между собой не очень существенно. Так, в частности, К. С. Горбачевич относил к ним: а) регулярное употребление в повседневной речи данного языкового факта, б) соответствие этого факта общим законам языка и в) его общественное одобрение [4, с. 37]. Г. Я. Солганик добавил такой критерий как ориентация на речь, признанную образцовой [11, с. 22] (образцовая речь, по мнению Ю. В. Фоменко, соответствует орфоэпическим, лексическим, фразеологическим, морфологическим, синтаксическим, орфографическим, пунктуационным и стилистическим нормам языка [12, с. 7]. Кроме того, в ней отражены правила логики и реальные, неискаженные факты). При установлении нормативного характера языковой единицы следует учитывать все вышеперечисленные критерии одновременно. Так, в пособии Ю. В. Фоменко приведены по этому поводу следующие примеры: в устной речи (реже в письменной) периодически встречаются глагольные формы «ложу», «ложить», однако они не соответствуют такому критерию как общественное одобрение, т.к. не принимаются образованными, грамотными носителями языка; слова «ростись» (подпись) и «разнос» (поднос) образованы по правилам русского языка, но также не соответствуют вышеупомянутому критерию, поэтому такие явления языка не могут быть признаны нормативными [Там же, с. 9].

Понятие нормы можно соотнести и с понятием правила, под которым современная лексикография понимает такое положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений. Можно сказать, что в слове *норма* акцентирована идея её естественного возникновения, а в слове *правило* – идея его специального установления [Там же, с. 10].

Понятие нормы возникает тогда, когда появляется ситуация выбора. Можно сказать, что норма – это правило выбора одного из двух или нескольких вариантов языкового знака. Обычный вид такого выбора – «А правильно, Б неправильно» (например, *течёт – текёт, обрыв – обрывательство*). В случае вариативности нормы она получает вид «Правильно А и Б». Помимо этого, правило выбора может иметь вид «А правильно в стиле X, Б правильно в стиле Y» (*в отпуске* (книж.) – *в отпуску* (разг.), *баловать* (книж.) – *баловать* (разг.)) [Там же, с. 9].

Языковая норма – явление историческое, так как она постоянно изменяется, что обусловлено эволюцией самого языка. Поэтому то, что было нормативным 20-30 лет назад, в настоящее время может получить статус речевой ошибки. Так, например, словом «*абитуриент*» в 30-40-е годы называли и выпускника средней школы, и поступающего в вуз, поскольку оба понятия часто относились к одному и тому же лицу. В настоящее время тот, кто оканчивает среднюю школу, называется *выпускник*, а слово *абитуриент* закрепилось только за тем, кто поступает в вуз или техникум (колледж).

Схема 2

1 этап Норма – А	2 этап Варианты А – Б	3 этап Варианты Б – А	4 этап Норма – Б
А Б непр.	→ А → Б доп., разг.	→ Б → А устар.	→ Б

Представленная выше схема-таблица кратко, но наглядно поясняет этапы движения меняющейся со временем нормы. Так, на первом этапе существует единственная форма А, а её вариант Б находится за пределами литературного языка и считается неправильным. На следующем этапе Б становится допустимым в литературном языке, а на третьем этапе старшая норма А перестает быть главной и уступает место младшей норме Б, переходя в разряд устаревших норм. На последнем этапе Б становится единственной литературной нормой [2, с. 75]. Также в некоторых лингвистических источниках содержится информация о трех степенях языковой нормативности: норма 1 степени – самая строгая, не допускающая вариантов (*средства* – «*средства*»), норма 2 степени – нейтральная, допускающая равноправные варианты (*творог* – *творог*), и норма 3 степени – более подвижная, допускающая разговорные и устаревшие формы (*в цехе* – *в цеху*) [Там же, с. 77].

Таким образом, изменению норм предшествует появление их вариантов, которые в течение некоторого времени активно используются носителями языка и могут отражаться в справочной литературе как допустимые, например: *нормировать* – *нормировать*, *мышление* – *мышление*, *пореодо[чн]ый* – *пореодо[ин]ый* и др.

Факторы изменения норм литературного языка – это, в первую очередь, активное воздействие на литературную нормативную речь живой разговорной речи, территориальных диалектов, просторечия, жаргонизмов и профессионализмов, а также других языков, с которыми данный язык тесно взаимодействует. «Историческая смена норм литературного языка – закономерное, объективное явление. Оно не зависит от воли и желаний отдельных носителей языка. Развитие общества, изменение социального уклада жизни, возникновение новых традиций, совершенствование взаимоотношений между людьми, функционирование литературы, искусства приводят к постоянному обновлению языка и его норм», – отмечают авторы пособия «Русский язык и культура речи» (2001) [Там же]. Многие отечественные лингвисты и даже рядовые носители языка отмечают, что процесс изменения отдельных языковых норм особенно активизировался в последние десятилетия.

Как было сказано ранее, одним из условий изменения литературной нормы является воздействие на неё разговорной, а точнее – повседневной обиходной неофициальной речи. Чаще всего это касается норм лексики, что объясняется следующим: лексика напрямую связана с реалиями объективной действительности, и любое их изменение – количественное или качественное – практически сразу отражается в словарном составе данного языка: возникают новые слова и изменяется семантика и лексическая сочетаемость у существующих лексических единиц.

Задачей нашего исследования стал краткий лексико-семантический анализ отдельных лексических единиц русского языка, которые в настоящее время, на наш взгляд, находятся в состоянии разрушения их прежнего нормативного статуса и перехода к новому. В качестве первого примера мы рассмотрим терминологические сочетания «*гражданский брак*», «*гражданский муж/супруг*» и «*гражданская жена/супруга*», очень актуальные в современной речевой практике. Причина их актуализации заключается в том, что в настоящее время в нашей стране широко распространилось сожителство мужчин и женщин (особенно в молодёжной среде) без официальной регистрации брака. Именно его принято сегодня именовать *гражданским браком*, а самих субъектов таких отношений – *гражданскими мужем и женой (супругом и супругой)*. Однако эти выражения с точки зрения современной лексической нормы являются ненормативными для именованного рода отношений, поскольку *браком* можно называть только официально зарегистрированный союз мужчины и женщины. Для наименования неофициальных отношений в русском языке существуют термины *сожителство, сожитель/сожительница* (термин *гражданский брак* в первой половине XX века стал использоваться как противоположность *церковному браку*). *Супруг* и *супруга* (соответственно *муж* и *жена*) – термины, имеющие только законных супругов, но не сожителей. Представленную ошибку можно квалифицировать как лексическую – употребление данных терминологических сочетаний в несвойственном им значении [8, с. 141].

Другой пример – прилагательное «*волнительный*», также часто используемое в современной устной и письменной речи. Оно формально восходит к глаголу «*волнить*» (ср.: *плентить – плентительный, мстить – мстительный, озорчить – озорчительный* и т.п.), однако такой глагол в русском языке отсутствует: есть глагол «*волновать*» и прилагательное «*волнующий*» [12, с. 9-10]. При этом в речи используется ещё и производное от него наречие – *мне волнительно*. В этих случаях можно зафиксировать лексическую ошибку – «словосочинительство»: она представляет собой создание новой лексической единицы по модели уже известного слова: «*грузинец*», «*армянец*» (ср.: *немец, американец, португалец, испанец* и др.), «*кричание*» (ср.: *молчание*), «*феодалист*» (ср.: *капиталист*) [Там же, с. 26]. Тем не менее, ненормативные сегодня лексемы *волнительный* и *волнительно* довольно частотны.

В качестве третьего примера можно привести частичные изменения в семантике и лексической сочетаемости слова *девушка*. Его значения, отраженные в современной лексикографии, следующие: «1. Лицо женского пола, достигшее половой зрелости, но ещё не вступившее в брак. 2. Молодая служанка, горничная в барских домах (устар.). 3. Обращение к молодой женщине (разг.)» [9, с. 127]. В обиходной разговорной речи на протяжении многих десятилетий реализуется ещё одно, более узкое толкование этого слова, не представленное в данной словарной статье, – *девственница*. В связи с этим сему «*девственность*» в значении слова *девушка* можно считать потенциальной. Потенциальные семы (компоненты лексического значения), как известно, не отражаются в лексикографических источниках, поскольку они отражают те признаки субъекта (объекта), которые приписываются ему общественным сознанием (например, *хитрость* для лисы, *склонность к обману* для продавца и т.п.). При этом такие семы, несмотря на их отсутствие в словарных толкованиях, часто являются актуальными и важными для значения данного слова в общественном сознании носителей языка. Лицо женского пола, лишившееся девственности, независимо от его реального возраста и семейного статуса принято было считать и именовать в книжной и разговорной речи не *девушкой*, а *женщиной*. Фразу «*Катя уже не девушка*» в разговорном контексте следует понимать так, что некая Катя уже не является девственницей. После замужества лицо женского пола называли исключительно только *женщиной*, хотя при этом возраст молодой жены мог быть и очень юным, однако даже в таком случае называть замужнюю даму *девушкой* было абсурдно. Такая традиция в употреблении данных слов всегда существовала в книжной и разговорной речи, однако в последнее время она начала постепенно разрушаться, поскольку слово *девушка* стало использоваться по отношению к молодой по возрасту особи женского пола уже независимо от её семейного статуса (как в отношении незамужней, так и замужней), от её физиологического состояния (в отношении девственницы и состоящей в интимной связи с мужчиной), а также по отношению к чьей-либо сожительнице, любовнице. Более того, его сегодня применяют даже по отношению к беременной женщине, что совершенно противоречит традиции употребления данной единицы и в книжной, и в разговорной речи. Следовательно, можно утверждать, что данное слово постепенно утрачивает свою традиционную семантику, так как в семной структуре его значения постепенно происходят качественные изменения: нейтрализуются периферийная сема «*не вступившая в брак*» и потенциальная сема «*девственница*». Данная лексическая единица теперь широко используется в качестве наименования для любой молодой женщины (приблизительно от 14-15 до 30-35 лет). Как следствие, такое изменение влечет за собой и нарушение лексической сочетаемости данной словесной единицы. Появились и стали распространенными выражения типа *замужняя девушка; у этой девушки муж и двое детей; девушка с маленьким ребенком; беременная девушка; девушка родила двух детей; В данный момент я живу с девушкой; Мы жили с девушкой, у которой двое детей; В Иркутской области пропала на восьмом месяце беременности молодая девушка* [1] (данные примеры извлечены из сети Интернет, а также из разговорной речи). Подобные сочетания, в частности, *беременная девушка*, очень частотны как в устной обиходной речи многих носителей языка, так и в текстах СМИ, причём они встречаются намного чаще, чем сочетание *беременная женщина*. Их возросшая популярность в публицистической речи, т.е. в книжном контексте, часто вызывает неприятие такого словоупотребления у многих носителей языка, которые сомневаются в его правильности и периодически обращаются с вопросами к лингвистам и на сайты по русскому языку. Следует отметить, что специалисты-языковеды советуют в книжных контекстах использовать слова *девушка* и *женщина* в их традиционных значениях, отраженных в современной лексикографии. Если руководствоваться словарями, девушку, вышедшую замуж, следует (независимо от возраста) именовать *женщиной*. А если она молода по возрасту, не состоит и не состояла ранее в браке, но имеет детей, можно ли называть ее *девушкой*? Формально в словарях нет однозначного запрета, но нет и разрешения (такое употребление, в общем-то, противоречит логике толкования). В живой же современной речи проблема решается просто: *девушкой* называют любую молодую женщину, независимо от того, замужем она или нет, есть у нее дети или нет [3].

Как будут далее функционировать представленные выше языковые единицы в речевом обиходе и как изменится их нормативный статус на общезыковом уровне, безусловно, покажет будущее, однако на сегодняшний день их использования реально предположить, что соответствующие изменения вполне могут быть со временем «узаконенными», так как для этого есть серьезные основания. Однако этого может и не произойти: дело в том, что подобные изменения в литературном языке напрямую связаны с воздействием на него разговорной речи – узуса. «Узус может разрушить норму, сложившуюся в течение исторически длительного времени», – пишет В. А. Гречко. «Массовым, узуальным становится на какое-то время употребление некоторых слов, новых значений, оборотов... Их употребление становится модным... Но модой нельзя руководствоваться при нормализации литературного языка... Нормализация должна закреплять то, что оправдало себя в языке, освоено системой языка, стало традиционным, что отвечает историческим тенденциям развития,

что... является усовершенствованием языка, его улучшением. Для такого освоения языкового явления в практике общения требуется значительное время...» [5, с. 299]. Этот же автор заключает, что «...сочетание консервативного, традиционного в языке, соответствующего его законам, и одновременно прогнозирование на этой основе развития языковых явлений придает норме конкретно-исторический характер. Постоянное в литературном языке и изменяющееся, но соответствующее действующим закономерностям развития литературного языка, позволяет ему оставаться в исторически утвердившейся и оправдавшей себя стилистической, семантической и культурной парадигме...» [Там же].

Таким образом, мы пришли к выводу, что проведенный нами краткий лексико-семантический анализ сочетаний *гражданский брак*, *гражданский супруг/супруга*, лексем *волнительный* и *девушка* показал следующее: есть основания полагать, что в настоящее время данные явления языка находятся на стадии разрушения их прежнего нормативного статуса и перехода к новому. Вполне возможно, что в будущем в новых лексикографических источниках появится в качестве допустимого варианта соответствующей лексической нормы скорректированное толкование этих слов и терминов, так как факторы, ведущие к этому, достаточно сильны:

а) данной лексике свойственна высокая частотность, что можно регулярно наблюдать в повседневной книжной и разговорной речи;

б) значения представленных лексических единиц меняются не кардинальным образом: в них лишь добавляются новые семы, которые раньше отсутствовали, что свидетельствует о расширении значения данных слов; при этом даже существенное изменение семантики термина «*гражданский брак*» принципиально не противоречит его традиционному значению: часть ядерной семы – *союз мужчины и женщины* – сохраняется прежней, только в традиционном нормативном варианте он *узаконенный*, а в новом нетрадиционном – *свободный*, следовательно, происходит замена одного семантического компонента значения другим;

в) создание нового слова – прилагательного «*волнительный*» – произведено по высокочастотной и достаточно продуктивной словообразовательной модели при помощи суффикса *-итель(н)*: *доверительный*, *восхитительный*, *утомительный* и т.п.

Следует добавить, что рассмотренные нами изменения в семантике и сочетаемости соответствующих слов и выражений в настоящее время не отменяют их употребления в традиционных формах, значениях и в соответствии с их прежней лексической сочетаемостью.

Безусловно, дальнейшее наблюдение за функционированием в речевом обиходе рассмотренных нами лексем и сочетаний и объективный научный анализ его результатов позволят впоследствии подтвердить или опровергнуть наши предположения о возможном закреплении в общенародном языке и кодификации тех изменений, которые мы фиксируем в них сегодня. Кроме того, подобного рода исследования дают возможность выявлять и в некоторой степени прогнозировать определенные закономерности в процессе эволюции лексико-семантической системы современного русского языка в целом и отдельных его лексических единиц в частности.

Список источников

1. В Алтайском крае пропала девушка, находящаяся на седьмом месяце беременности [Электронный ресурс] // Байкал 24: информационное агентство. URL: http://dari38.ru/application/text2?date=04-08-2016&url=v_altaiskom (дата обращения: 27.04.2017).
2. Введенская Л. А., Павлова Л. Г., Кашаева Е. Ю. Русский язык и культура речи. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 544 с.
3. Вопрос № 283800. Ответ справочной службы русского языка [Электронный ресурс] // Грамота.ру. URL: <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=беремен> (дата обращения: 11.04.2017).
4. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. 240 с.
5. Гречко В. А. Теория языкознания. М.: Высшая школа, 2003. 375 с.
6. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. Вып. III. С. 143-343.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 592 с.
8. Мистюк Т. Л. Нарушение лексических норм русского языка и их отражение в материалах судебной лингвистической экспертизы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69): в 3-х ч. Ч. 3. С. 139-142.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
10. Русский язык и культура речи / под ред. В. И. Максимова, А. В. Голубевой. М.: Юрайт; Юрайт-Издат, 2010. 358 с.
11. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка. М.: Академия, 2006. 304 с.
12. Фоменко Ю. В. Культура речи. Стилистика. Риторика. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 182 с.

THE SPECIFICS OF INDIVIDUAL TRANSITIONAL PHENOMENA IN THE FIELD OF LEXICAL NORMS OF THE RUSSIAN LANGUAGE AT PRESENT STAGE

Mistyuk Tat'yana Leonidovna, Ph. D. in Philology
Novosibirsk State Technical University
bakatuha@mail.ru

The article briefly characterizes the nature of a linguistic norm from the perspective of modern domestic and foreign linguistics. The author clarifies the specificity of transitional phenomena in the field of a norm. The paper analyses individual lexical units of the modern Russian language, which, in the author's opinion, are at the stage of destruction of the former lexical norm and transition to a new one. Specific arguments for each of them, proving their transitional status at this stage of the operation, are provided.

Key words and phrases: language norm; criteria of normativity; lexical norms of the Russian language; semantics; seme; collocations; transitional phenomena in the field of lexical norms.